

«Когда я вернусь...»

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Когда по телевидению - или в качестве клипа, или как музыкально-поэтическое подтверждение какой-то публицистической передачи звучит песня «Когда я вернусь...» в авторском исполнении Александра Аркадьевича Галича, я думаю о том, что при рождении этой шмяющей душу песни никто, в том числе и ее автор, не придавал ей пророческого значения. Ну кто тогда мог предполагать, что песни Галича - трижды запрещенного, отовсюду изгнанного, гонимого, могут вернуться к нам - да не по «самиздату», не на подпольно писанных-переписанных пленках, а легально, по государственному телевидению и радио!

Это и радостно, и больно. Потому что не оставляет мысль: а ведь вместе с песнями мог бы вернуться на Родину и их автор...

Мог бы, если бы не тот трагический день в Париже!

Когда я слушаю его песни, смотрю на телевизионное изображение поэта, я неизменно возвращаюсь памятью более чем на полвека назад, в нефтяной Грозный, в ту суровую осень 42-го года, когда я впервые познакомился с Сашей Гинзбургом... Александром Галичем он стал значительно позже.

Итак, осень 42-го. Немцы стремительно продвигаются к грозненской нефти. Уже эвакуируются «ненужные» войне местные учреждения. Уже собираются в дальнюю дорогу - в Сибирь, в Канск - грозненские театры - драмы, юного зрителя.

«Все для фронта, все для победы!» - этим жили город, республика и, конечно, наша газета «Грозненский рабочий», где я заведовал отделом литературы и искусства, одновременно являясь корреспондентом газеты «Советское искусство» по Северному Кавказу.

В Грозном уже появился штаб Северной группы войск Закавказского фронта, прибыла фронтовая газета «Вперед за Родину!» с Ираклием Андрониковым, Вадимом Собко и Любомиром Дмитерко в составе редакции. Уже прилетели сборки центральных газет - Петр Павленко и Борис Горбатов...

Передовые статьи в нашей газете стали выходить с такими заголовками: «Все силы - на защиту родного города!», «Каждый горожанин - воин!», «Враг не заправит свои моторы грозненским бензином!», «К оружию, горцы!».

Как-то днем, после очередной фашистской бомбежки, в редакцию пришли два молодых тогда (сегодня их обоих уже нет в живых) грозненских режиссера Константин Борщевский и Владимир Вайнштейн.

- Мы за помощь, - сказали они. - Не может город в такое время оставаться без искусства. Не уезжают в эвакуацию по разным семейным причинам человек восемь актеров, есть певец из филармонии, есть парнишка-танцор (теперь его знает весь мир - это Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, народный депутат СССР, лауреат многих международных конкурсов Махмуд Эсамбаев), наконец, есть мы - режиссеры, в армию нас пока не призывают, а ехать в эвакуацию мы не хотим. Мы решили создать театр народной героики и революционной сатиры!

- Так создавайте! - сказал я. - А репертуар, что играть? - А я-то при чем? - Вот ты и должен написать нам программу!

- Да вы что? Я пишу об эстраде, но никогда не писал для эстрады! (Мог ли я думать, что на долгие годы драматургия эстрады станет моей любовью и моей профессией?).

Сегодня в это трудно поверить, но через десять дней программа, состоящая из одноактных пьесок, миниатюр, песен, концеранса, была готова, и в городе появились афиши: «Театр народной героики и революционной сатиры. Премьера! «Три полководца» - одноактная пьеса, «Огонь на себя» - одноактная пьеса, «Цари в обозе» - комедия с погоней и выстрелами, пес-

ни, танцы, концеранс. Начало - ровно в 6 вечера! Окончание - к комендантскому часу! Билеты продаются!».

Можно бы подробно рассказать, что и как играли в этом театрике. Можно бы вспомнить, как у нас появился молодой актер (точнее, тогда он еще только хотел стать артистом!) и, быстро заняв «первое положение», играл роли героев, а через несколько лет весь мир узнал Сергея Федоровича Бондарчука. Можно бы рассказать, как принимали наши программы фронтовики и труженики тыла...

Можно бы. Но я не буду этого делать. Моя задача - иная: рассказать об одном человеке и его участии в этом театре.

Именно в те тревожные для города дни, идя по главной улице Грозного - проспекту Революции, я обратил внимание на молодого человека, видимо, без всякой цели бродившего по городу. Очень уж «нездешний» вид был у него: пиджак в клетку, берет, узконосые ботинки, яркая рубашка да еще гитара за плечами... Он шел медленным шагом, внимательно рассматривая прохожих: видимо, барашковые папахи мужчин и низко повязанные косынки женщин ему были в диковинку...

У моего патруль стоит - обязательно заберут проверить документы. Примут за шпиона, подумал я, и пошел к незнакомцу.

- Что вы ищете, молодой человек?

- Редакцию или какое-нибудь учреждение искусства.

- Считайте, что нашли и то, и другое! Я работаю в редакции и заведу литературной частью театра миниатюр.

- А говорят - Бога нет! Есть! Конечно, есть! - засмеялся незнакомец.

Мы направились в редакцию и по дороге, и позже вечером, у нас дома, когда жена кормила его обедом и приводила в порядок его нехитрый гардероб, он рассказал свою историю... Поэт, бард (правда, тогда такого слова еще не было в нашем лексиконе), артист студии Арбузова. В армию не взяли «по сердечной недостаточности». Но он хочет быть полезен поэзии, искусству в эти трудные дни.

Мы проговорили почти всю ночь. Он знал много и многих. Я в те годы в Москве бывал лишь наездами, и все, что он рассказывал, меня очень интересовало. В ту ночь нашего знакомства он много пел, читал стихи...

- Нет, Саша, это сам Бог вас послал! Вы так нужны будете нашему театру!

- А как все это мне нужно, - сказал он. - Я при деле, при любимом деле! Честное слово, вы никогда не пожалеете о своей рекомендации!

Утром я привел Сашу в театр. Он удивительно быстро сошелся со всей труппой, как-то сразу стал «своим» в этом маленьком коллективе единомышленников. У него не было столичного нигилизма, а мог быть, особенно при сравнении знаменитой арбузовской студии с нашим маленьким театриком. Не было у него и натужного желания быстренько стать «душой общества» - с помощью столичных сплетен о знаменитостях и не известных в провинции анекдотов...

- Братцы! Что надо делать? - просто спросил Саша. И стал делать все, что нужно было театру, зрителям, фронту, наконец!

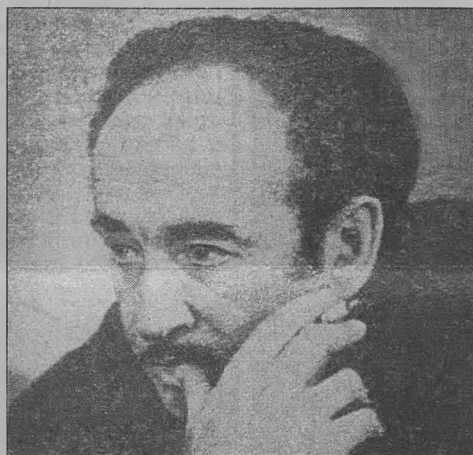
Нашли место в программе, и он пел под свою гитару. Песни были не просто фронтовые, но, так сказать, с местным колоритом. С фронта уже шли сообщения о чеченце капитане Мазаеве, о снайпере Ханпаше Нурадолове, их героических подвигах... И Саша писал и пел песни о них. Был у нас в театре свой композитор - Саша Халебский, он придавал мелодиям кавказский колорит, но музыку сочинял сам Галич. Песни его имели оглушительный успех...

Конечно, он стал и одним из главных наших актеров. По внешнему облику,

по своей элегантности он очень подходил к ролям иностранцев. В обозрении «Москва - Лондон - Нью-Йорк» рассказывалось о боевой дружбе летчиков антифашистской коалиции, их подвигах... Материал мы брали из сообщений «Совинформбюро», ну и, конечно, «сдабривали» его духом хемингуэвских героев. Саша с блеском играл какого-то американского летчика, пел песенки на английском. Ох! Сколько мы натерпелись от Обллита и Политуправления с этими песенками! О чем они? Что там говорится о «дяде Джо» (так называли в США Сталина)? Нет ли в них чего порочащего? Позже, когда мы написали пьеску о Праге и ее бойцах Сопротивления «Злата Прага», Саша весьма убедительно сыграл чешского партизана и пел какие-то чешские и словацкие песенки...

Обычно мы играли в здании грозненского театра имени Лермонтова, но выезжали и на «периферию» - в окрестные станицы, рабочие поселки, где зрителями были и солдаты расквартированных там частей, и местные жители...

Помню, поехали мы на гастроли в Гудермес. Играли дня три в городском Доме культуры. Местное начальство хотело нас разместить по домам жителей городка (гостиницы там не было!), но мы решили ночевать там,

где и выступали. Отыграли спектакль, как всегда, с большим успехом: ведь мы были единственными представителями искусства в этом прифронтовом регионе. Правда, изредка выступал в нашей программе со своими «устными рассказами» Ираклий Андроников. А как-то приехала из Баку (где ее муж снимал военный фильм) Любовь Петровна Орлова. Она давала концерты по городам и станицам республики и выступила с нашим театром.

Закончив спектакль в Гудермесе, поужинав чем Бог послал, мы разбрелись по пустынным комнатам Дома культуры. Саша со своей гитарой устроился в гримборной, я подсел к нему, мы разговорились... Нет, не о войне, не о Победе, в которой никто не сомневался, а о том, как будем жить после Победы. Мечты наши, в общем, не выходили за рамки простых естественных человеческих желаний: жить более свободно, писать то, что чувствуешь и как понимаешь, меньше зависеть от многочисленного начальства...

- Уж очень много надсмотрщиков, - сказал Саша. И еще сказал: - Так хочется поехать в Париж, пройти по улицам, описанным Дюма, Бальзаком, Гюго, посидеть в каком-нибудь кафе, как об этом рассказано у Эренбурга...

Ох, как мы были наивны! Из всех мечтаний сбилось только одно - Сашино. Он поехал в Париж! Но поехал так, что его знакомство с Парижем едва ли располагало к эгегическому ощущению города! Он поехал туда не по своей воле и вряд ли до конца дней своих мог забыть, что предшествовало его появлению во Франции.

С тех грозненских прифронтовых будней прошло много лет. И каких лет! В 1954 году я приехал в Москву. Приехал из Ивдельлага, где по обвинению в «космополитизме» отсидел пять лет, до той поры, пока не умер «великий вождь всех времен и наро-

дов». Сидел уже как «повторник». Впервые в лагере я оказался вскоре после убийства Кирова, когда мы, комсомольские журналисты, попали в первую волну отечественной охоты за ведьмами. Так начиналось мое переселение на Печору.

Словом, я приехал в Москву. До XX съезда оставалось еще два года, и потому свобода была, но работы не было. Пробавлялся редкими очерками в «Вечерке», «Гудке», на радио и, как шутили потом друзья-писатели, «от несчастья пришел в эстрадную драматургию»...

Поселившись в Малаховке, в каком-то сараичке, который хозяйка упорно считала «дачей» и брала соответственную плату, я каждый день ездил в столицу к своему тогдашнему соавтору поэту Леониду Кукусо работать над произведениями для эстрады. Как-то спросил: не знает ли он поэта и драматурга Александра Гинзбурга? Он ответил, что знает - теперь его псевдоним Галич. Идет его пьеса «Вас вызывает Таймыр», по его сценариям поставлены фильмы - в общем он очень популярный писатель и поэт.

Это сообщение охладило мой пыл, поубавило охоты встретиться. Ну, являюсь я к нему в своей лагерной одежде (цивильного платья у меня еще не было - не заработал!)... А вдруг он примет меня за докучливого просителя «на бедность»... Жена рассказывала: как-то она в Колонном зале, когда я «сидел», встретила на шахматном турнире Сашу вместе с режиссером Марком Донским, но Саша ее не узнал... Нет уж, бог с ним! Мало мне бед и унижений - не буду встречаться!

Но человек предполагает, а Бог, как говорят, располагает! Спешу по Большой Бронной к своему соавтору. И вдруг:

- Матвей Яковлевич! Господи! Живы?

Оглянулся. Передо мной - Саша. В какой-то шикарной шубе и боярской шапке. Кинулся ко мне. Прижал к себе. И заплакал...

- Вы «оттуда»? Ну что я спрашиваю, конечно, оттуда. А Клава где? Куда вы идете? Нет, нет, пошли!

Он потащил меня куда-то рядом в дом своих родителей.

Собралась вся семья. День и вечер рассказывал я им свою эпопею. Он пошел меня провожать и все время спрашивал:

- Мотя! Чем помочь? У метро мы расстались, дав друг другу слово встретиться.

Добравшись до Казанского вокзала, сел я в свою малаховскую электричку. Зачем-то полез в карман куртки и обнаружил там конверт, а в нем триста рублей! При моей тогдашней неустроенности это были огромные деньги. Но дело даже не в них. У меня было много знакомых в Москве. Они знали о моих трудностях. Но никто и не подумал помочь не словами, не сожалениями, не сочувствием, а просто деньгами! А вот Саша - подумал и сделал это! Да еще так деликатно, чтобы не поставить меня в неловкое положение. Он не ждал благодарности - он просто помог чем мог!

В своей книге «Публицист на эстраде», которая выходила в 1981 году в издательстве «Искусство», я рассказывал о грозненском фронтовом театрике и написал о Саше Галиче. Но, конечно, все это вычеркнули. Убрали из книги даже такую невинную фразу: «Мы сидим в ресторане Дома литераторов - я, поэт Ярослав Смеляков и писатель Николай Асанов - люди трагической судьбы».

Тогда, видимо, об этом еще рано было говорить!

Я счастлив, что дожил до такого времени, когда можно вспомнить все, что было, и все, как было. Вот я и вспомнил об Александре Аркадьевиче Галиче, о нашем коротком, но запоминающемся знакомстве - в годы, когда была война, и немного позже...

Матвей ГРИН,
писатель, заслуженный работник культуры России.